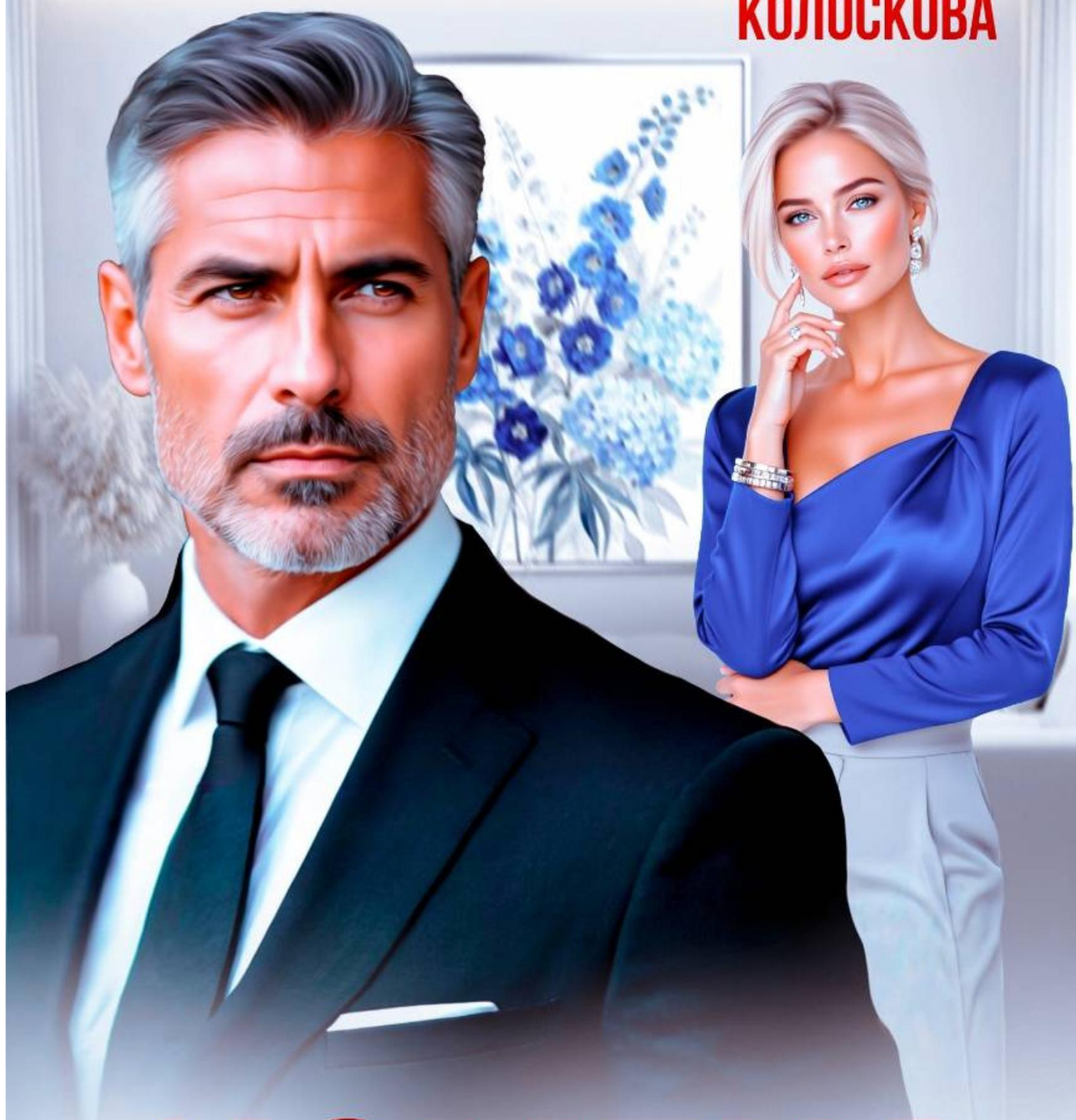

Талина

КОЛОСКОВА

ИЗМЕНА

Реставрация души

Галина Колоскова

Измена. Реставрация души

«Автор»

2026

Колоскова Г.

Измена. Реставрация души / Г. Колоскова — «Автор», 2026

— Знаете, что Марк про вас говорит? — шепчет она, заглядывая мне в глаза. — Он говорит, вы — прекрасная старинная ваза. Очень ценная. Раритетная. Но пыльная. Она смеётся. Звонко, как колокольчик. Я сжимаю кисть так, что костяшки белеют. — А я, — продолжает она, — живой цветок. Яркий. Свежий. Настоящий. — Зачем ты пришла? — перебиваю, борясь с заползающей в душу мерзостью. Голос всё ещё спокоен. Но внутри уже всё горит. Сгорают: двадцать пять лет брака, робкие надежды, иллюзии, вера в то, что мы особенные, что у нас не как у всех. Что мы сможем всё преодолеть и начать заново. Она медленно лезет в карман кожаной куртки. Достает что-то и кладёт на мой рабочий стол. Тест. Две полоски. Яркие, жирные, как пощёчина. — Видите? — она улыбается. — Я смогу дать ему то, чего вы уже не можете.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Галина Колоскова

Измена. Реставрация души

Пролог

Я слышу, как он стонет во сне и зовёт не меня.

Двадцать пять лет брака, а я до сих пор помню, как пахли его волосы в институтской общаге. Дешёвым шампунем и недорогой туалетной водой. Я любила тот запах. Он был настоящим, полным надежд на будущее. Как и мы тогда.

Теперь муж пахнет дорогим парфюмом и чужой женщиной. Я лежу рядом, не открываю глаза, слушаю, как тикают старые напольные часы. Бабушкина память. «Пылесборник», — морщится Марк каждый раз, проходя мимо. А я люблю их. Они единственные, кто помнит мою маму, её маму, которая пережила войну и выходила троих детей в промёрзлой коммуналке. Часы — память рода. Рода, последний представитель которого я. У сына фамилия отца. Родных рядом со мной не осталось. Кроме Марка.

Но теперь и его, кажется, нет.

— Карина... — шепчет он во сне, и моё сердце проваливается в ледяную пустоту.

Я не плачу. Тупо лежу и смотрю, как за окном сереет петербургское небо. Утро наступит, а вместе с ним — очередной день моей идеальной жизни. Идеальной для всех. Для подруг, которые завидуют моему загородному дому. Для коллег, которые считают, что у меня всё есть. Для его партнёров по бизнесу, которые видят во мне лишь «супругу Марка Кольцова».

Утром он встаёт, даже не заглянув мне в глаза. Целует в макушку на автомате, натягивает идеально выглаженную рубашку. Я глажу их сама. Двадцать пять лет. Всё сама.

— Сегодня поздно? — спрашиваю тихо, хотя ответ знаю заранее.

— Как обычно, — бросает он, уже стоя в дверях. — Вечером совещание.

Дверь хлопает, и я остаюсь одна. Смотрю на пустую чашку из-под кофе, на его сторону кровати, на часы, которые тикают, определяя несчастного человека среди идеальной роскоши: «ты-ты-ты-ты».

Я собираю старые, вытертые кисти, которыми работаю в Эрмитаже. Там моя стихия — запах лака, старого дерева, тишина, которая не давит, а обнимает нежно, пытаюсь успокоить разбитое сердце. Я реставрирую «Мадонну с младенцем», картину неизвестного живописца периода кватроченто, раннего итальянского Возрождения. Смотрю на её печальное лицо и слышу от коллег: «Арина, вы похожи на неё. Такая же отстранённая красота».

Отстранённая. Хорошее слово. Удобное. Можно спрятаться за ним от вопросов: «Что с тобой?», «Ты плакала?», «Почему у тебя такие глаза?».

Вечером рисую свою Мадонну с ребёнком. Смеющаяся девочка на руках любящей матери, удивительно похожей на меня. Отвожу душу, кладу на полотно тревоги, желание покончить со всем этим. И страх уйти из привычного мира в неизвестность.

В мою мастерскую в гостевом домике врывается курьер. Огромная коробка, перетянутая лентами. От Марка. Записка мелким, деловым почерком: «Новая звезда современного искусства. Пусть вдохновляет твою старину».

Я срываю упаковку. И замираю.

Картина огромная, метр на полтора. Абстракция, как сейчас модно. Хаос мазков, кричащие цвета, безумные линии. Но глаза, намыленные за годы работы, видят то, чего не заметит никто. В этом безумии проступает портрет Марка.

Он спит. Расслабленный, беззащитный, раскинув руки. Он нарисован с невероятной интимной нежностью, какую можно испытать только к любовнику. Только к тому, чьё дыхание слушаешь ночами.

Картина кричит. Беззвучно, но я слышу звонкий ор каждой клеткой.

Я стою перед ней долго. Минуту. Пять. Десять. Потом достаю смартфон, набираю его номер.

— Кто автор? — спрашиваю, стараясь, чтоб не дрожал голос и мне удаётся казаться бесстрастной.

Он молчит, прекрасно понимая о ком вопрос. Секунду. Две. Этой паузы хватает, чтобы всё понять.

— Карина, — наконец выговаривает. — Моя новая... знакомая. Она очень талантлива, правда?

— Правда, — отвечаю и сбрасываю вызов.

В тот же вечер я вешаю картину в его кабинете. Напротив рабочего стола. Чтобы каждый раз, поднимая глаза, он видел своё отражение. Свой выбор. Свою ложь.

Стою в дверях, смотрю на полотно и чувствую, как внутри что-то обрывается. Будто лопнула давно проржавевшая струна, сдерживающая меня все эти годы.

— Ну вот, — шепчу себе. — Теперь у тебя есть трофей. Или приговор. Сама решай.

Часы в гостиной бьют полночь. Двенадцать ударов. Двенадцать лет счастья, тринадцать — тишины. И одна картина, разделившая жизнь на до и после.

Иду на кухню, наливаю чай, сажусь у окна. Петербург сверкает огнями. Он где-то там. С ней. С Кариной. С той, кто нарисовала его душу, потому что имела к ней доступ. Интимный. Которого у меня больше нет.

— Что же ты наделал, Марк? — спрашиваю в пустоту. — Кто-то из нас должен будет уйти.

Пустота молчит. Только часы тикают: «ты-ты-ты-ты».

Допиваю чай, иду в спальню, ложусь на свою половину кровати. Постель хранит его запах. Утром я сменю бельё и перенесу его вещи в другую спальню. Потому что больше не хочу просыпаться рядом с чужой жизнью.

За окном начинается дождь. Питер плачет. А я — нет. Я уже выплакала всё, пока смотрела на ту картину. Теперь внутри только холодная, звенящая пустота. И тишина вокруг обитательницы огромного дома. Он кажется мне чужим и холодным. Своей вины не снимаю. Да, я устала бороться за внимание, за нежный взгляд, за любое проявление любви и опустила руки. Теперь пожинаю плоды.

Часы тикают. «Ты-ты-ты-ты».

Глава 1

Я не выясняю отношения. Не устраиваю скандалов, не собираю чемоданы, не звоню его матери с рыданиями. Я жду насколько ещё меня хватит. Каждое утро встаю, варю кофе, еду в мастерскую Эрмитажа, работаю. Смотрю на Мадонну и думаю: она тоже ждала? Знала, что её предадут, и молчала?

Картина в его кабинете висит. Он не стал её снимать. То ли не заметил, то ли ему всё равно. Мы ужинаем за одним столом, говорим о погоде, о сыне, который учится в Лондоне, о планах на лето. И ни слова о ней. Ни слова о Карине. Словно её не существует. Будто той ночи, когда он звал её во сне, не было.

Я подготавливаю тылы в ожидании развязки. И она приходит сама. Это происходит в среду. Обычный серый день, каких в Петербурге много. Моросит дождь, Нева плещется о гранит, туристы прячутся под зонтами.

Сегодня я в своей мастерской в гостевом домике, работаю над новой деталью — ликом Мадонны, который никак не идёт. Слишком печальный получается. Слишком похожий на мой собственный.

Она заявляется без звонка, без предупреждения. Врывается в тихий, пропахший лаком и красками мир, как вихрь, как цунами, как всё, что я ненавижу.

Дверь распаивается без стука. Я вздрагиваю, проливаю растворитель на пол. Поднимаю глаза и вижу её.

Куртка расстёгнута, под ней майка с черепом. Волосы выкрашены в ядовито-рыжий, уложены в небрежный творческий беспорядок. Глаза горят, губы блестят.

На её фоне я чувствую себя музейным экспонатом. Пыльным. Старым. Ненужным. Смотрю на свои руки в пятнах краски, на старый свитер, на стоптанные балетки — и понимаю, что мы из разных миров. Из разных жизней.

— Арина Викторовна!.. — шепчет она, и звук её голоса словно ввинчивается в уши.

— Здравствуй, — говорю спокойно. Кисть не дрожит в руке. Ни за что не покажу насколько мне мерзко. И вообще... почему охрана её пропустила?!

— Я ваша фанатка! — она подлетает к столу, трогает мои кисти, баночки с пигментами, эскизы. — Вы гений! Ваши работы — это нечто! Я столько о вас слышала!

— От кого? — спрашиваю тихо.

Она замирает на секунду. Улыбка сползает, но тут же возвращается. Ещё шире. Ещё наглее.

— От Марка, конечно! Он так много о вас рассказывает.

Я молчу. Смотрю, как тонкие пальцы, унизанные дешёвыми кольцами, гладят мою любимую колонковую кисть. Кисть, которой я работала двадцать лет.

— Оставь, — говорю ровно, борясь с накрывающим с головой отвращением.

Она вызывающе смеётся. Кладёт кисть на место и подходит ближе. Вплотную. Её духи слишком сладкие, приторные, как вата, которой кормят детей в парках. У меня начинает кружиться голова.

— Знаете, что он про вас говорит? — шепчет она, заглядывая мне в глаза. — Он говорит, вы — прекрасная старинная ваза. Очень ценная. Раритетная.

Но пыльная.

Она смеётся. Звонко, как колокольчик. Я сжимаю кисть так, что костяшки белеют.

— А я, — продолжает она, — живой цветок. Яркий. Свежий. Настоящий.

— Зачем ты пришла? — перебиваю, борясь с заползающей в душу мерзостью. Голос всё ещё спокоен. Но внутри уже всё горит. Сгорают: двадцать пять лет брака, робкие надежды,

иллюзии, вера в то, что мы особенные, что у нас не как у всех. Что мы сможем всё преодолеть и начать заново.

Она медленно лезет в карман своей дурацкой кожаной куртки. Достает что-то и кладёт на мой рабочий стол. Прямо поверх эскиза Мадонны.

Тест. Две полоски. Яркие, жирные, как пощёчина.

— Видите? — она улыбается. — Я смогу дать ему то, чего вы уже не можете.

Я смотрю на этот тест. На две полоски. И чувствую, как земля уходит из-под ног.

— Как думаете, — её голос сочится ядом, — ваза сможет подарить ему букет?

Тишина. Только прорывается из соседского радио бой курантов, знаменующий полдень. Главный колокол звучит гулко, тяжело, как удары сердца. Я поднимаю глаза. Смотрю на неё. На эту куклу с пустыми глазами и острыми локтями.

— Ты закончила? — спрашиваю тихо.

Она моргает. Не ожидала. Думала, я буду рыдать, кидаться на неё, царапать лицо. А я просто стою и смотрю.

— Чего ты добиваешься? — продолжаю, делая шаг вперёд. Теперь я наступаю. — Чтобы я ушла? Чтобы освободила место? Чтобы ты могла въехать в мой дом, спать в моей постели, тратить его деньги, носить мои украшения?

— Я его люблю, — выдыхает она.

— Любовь здесь ни при чём, — усмехаюсь горько. — Ты просто хочешь мою жизнь. Правда пока не понимаешь, что жизнь с ним — не только бриллианты и рестораны. Это ещё и скандалы с его матерью, бессонные ночи, когда у сына температура. Его депрессии, кризисы, провалы в бизнесе. Это когда он неделями не разговаривает, уткнувшись в компьютер. Его вечные командировки и твоё одиночество в огромном доме. Хочешь? Забирай!

Она отшатывается. В её глазах мелькает растерянность. Она не знает, что ответить.

— Я... я не за этим...

— А за чем? — я делаю шаг вперёд. Теперь я наступаю. — Пришла похвастаться животом? Унизить меня? Что ж, молодец. Унизила. Довольна?

Она пятится к двери.

— Вы ещё пожалеете! — кричит она уже с порога. — Он меня любит! Мы будем вместе! Мы обязательно будем вместе! У нас будет семья!

— Семья? — я смеюсь. Страшно, надрывно. — У него уже есть семья, девочка. Двадцать пять лет. И сын, который скоро приедет и которому будет очень интересно узнать, с кем его папа проводит время.

Она бледнеет под слоем тонального крема. Хватается за ручку двери.

— Не смейте ему говорить! Это наш разговор!

— Поздно, — качаю я головой. — Ты сама всё начала. Теперь доигрывай.

Дверь хлопает. И я остаюсь одна. Стою посреди мастерской, смотрю на тест с двумя полосками и чувствую, как по щекам текут слёзы. Я плачу молча. Беззвучно. Как старая, пыльная ваза, которую разбили и теперь выкидывают.

Я беру этот тест, подхожу к урне и бросаю его туда. Потом долго мою руки. С мылом. Три раза. Будто смываю с себя её запах, её слова, её присутствие.

Сажусь за стол, смотрю на Мадонну. Она всё так же печальна и прекрасна.

— Ну вот, — шепчу ей. — Дождалась. Пришла война.

Телефон вибрирует. Сообщение от Марка: «Сегодня приду пораньше. Надо поговорить».

Я смотрю на экран, и внутри всё обрывается. Значит, она уже доложила. Значит, сегодня вечером моя жизнь разделится на ту, что была, и ту, что будет.

— Что ж... — говорю я своему отражению в тёмном окне. За стеклом моросит дождь, по стеклу текут капли, и моё лицо расплывается, становится чужим, незнакомым. — Будем воевать. Только не грязью. А достоинством. Посмотрим, чья возьмёт.

За окном идёт дождь. В мастерской, в гостевом домике, пахнет красками и лаком. Где-то далеко, у соседей, поёт радио. Обычный петербургский день. Только я уже не та, что была утром. И это, наверное, к лучшему.

Собираюсь и еду в Таврический сад. Только там я смогу отрешиться от всего и относительно спокойно подумать. Мне это сейчас очень нужно.

Глава 2

Вечером я возвращаюсь домой. Захожу в прихожую, вешаю пальто, ставлю зонт в подставку. В доме тихо, только часы тикают. Сегодня их тиканье звучит громче обычного. Или мне просто кажется.

Прохожу в гостиную и вижу мужа. Марк стоит у окна. На журнальном столике дымится остывший кофе. Он его даже не тронул.

— Ты пришла, — говорит, не оборачиваясь.

Констатирую очевидность происходящего:

— Я пришла.

Он поворачивается. И я вижу его глаза. Бездушные. Чужие. В них нет ничего, что я помнила все эти годы. Ни любви, ни нежности, ни даже вины. Только усталость и раздражение. Будто я — проблема, которую надо решить. Словно я — неудобный пункт в его бесконечном списке дел.

Он не смотрит мне в глаза. Он смотрит на часы.

— Арина, нам надо поговорить, — начинает сухим, официальным голосом.

Я молчу. Сажусь в кресло, складываю руки на коленях. Жду.

Он неожиданно мнётся. Подходит к столу, берёт чашку с остывшим кофе, ставит обратно. Отводит взгляд, стараясь не смотреть на меня.

— Это... это случилось, — запинаясь выдавливает он. — Я не планировал. Правда. Всё вышло случайно.

Я слушаю. Внутри лёд, сковавший душу сегодня днём, после её визита. Лёд, не позволяющий мне разрыдаться, закричать, запустить в Марка чем-нибудь тяжёлым. Лёд, который сохраняет мне жизнь.

— Но я хочу этого ребёнка, — продолжает он. — Понимаешь? Хочу!

Вот оно. Главное слово! Ребёнок... То, чего я не смогла ему дать второй раз. То, из-за чего я все эти годы чувствовала себя уцербной. То, из-за чего принимала последние тринадцать лет его молчаливые упрёки, его отстранённость, его вечную занятость. Я была виновата. Я не смогла. А она смогла.

Он замолкает, боится договорить. Смотрит в окно, на тёмную улицу, на редкие огни проезжающих машин.

— Ты же понимаешь, — добавляет он тише, — ты больше не можешь...

Он не договаривает. Не нужно. Я всё понимаю. Я всегда всё понимала.

— Миллионы семей живут с одним ребёнком. Это лишь повод. Скажи, чего ты хочешь конкретно? — спрашиваю ровным, спокойным голосом. Лёд надёжно держит удар.

Он выдыхает. С облегчением. Решил, я сдалась, покиваю, утру слёзы и соглашусь на любые условия. Лишь бы не потерять его. Лишь бы сохранить видимость семьи.

— Она будет жить в гостевом доме, — выпаливает он быстро, будто боится, что я передумаю слушать. — Твою мастерскую перенесём. Я всё организую. Для всех ты остаёшься моей женой. Ну, хотя бы на первое время. Пока всё не устаканится. Пока ребёнок не родится. А там видно будет.

Я смотрю на него и не верю своим ушам. Он предлагает мне жить в одном доме с любовницей? С женщиной, которая носит его ребёнка? С той, что сегодня тыкала меня носом в мою несостоятельность?

— Марк, — отвечаю, понимая, что тяжело сейчас не только мне, — ты сам то слышишь, что сейчас говоришь? Решил организовать гарем из любимой и старшей жены?

Он вздрагивает. Поднимает на меня глаза. В них мелькает что-то похожее на страх. Но он быстро берёт себя в руки.

— А что мне ещё предлагать? — голос становится жёстче. — Ты сама виновата. Если бы не твои проблемы... У нас могла быть девочка или ещё один сын. Без давящей на уши тишины в доме. Я всегда хотел троих или четверых детей. Мы могли жить нормально. А теперь что? Я должен отказаться от своего ребёнка? От счастья отцовства?

— От счастья, — повторяю я эхом. — Ты называешь это счастьем?

— А ты называешь это браком?! — он вдруг взрывается. — Ты видела себя в зеркале? Сидишь безвылазно в мастерской, возишься со старыми картинами, как с живыми. А я? Это я живой! Я хочу жить! Хочу чувствовать себя молодым, нужным, желанным!

Я встаю с кресла. Подхожу к нему близко-близко. Смотрю в его глаза, в которых когда-то тонула.

— Ты меня больше не хочешь, — констатирую я. — Не вопрос. Факт. Тебе захотелось почувствовать себя молодым за счёт двадцатилетней любовницы. Но зачем меня унижать обидными словами? Я прекрасно выгляжу для своих лет. Это ты в себе не уверен. Ты собой не доволен и от того мечешься.

Он отводит взгляд.

— Это не так...

— Не лги! — перебиваю я. — Хотя бы сейчас не лги.

Он молчит. Долго. Потом собирается с духом и выдаёт главное:

— Если ты не согласишься на мои условия, Арина... ты же понимаешь, всё, что у нас есть — моё. Квартира, дом, машины, счета. Всё оформлено на меня. Ты уйдёшь ни с чем. Я адвокатов подключу. Они докажут, что ты толком не зарабатывала, не вкладывалась, жила за мой счёт.

Я смотрю на этого чужого человека. Где тот Марк, что под проливным дождём клялся мне в вечной любви? Где студент, что голодал, но покупал мне цветы на последние деньги?

Его нет. Вместо него — цифровой король, привыкший покупать и продавать. Привыкший считать, что всё в этой жизни имеет цену. И я — тоже. Моя цена — ноль. Потому что я не могу родить второго ребёнка.

Внутри лёд трещит, но не ломается. Я чувствую, как по венам вместо крови течёт холод. Он спасает меня. Не даёт упасть.

— Хорошо, Марк, — голос звучит откуда-то издалека. Будто говорит кто-то другой. — Я подам на развод и раздел имущества. А там пусть решает суд.

Он замирает. Не ожидал. Думал, испугаюсь.

— Ты с ума сошла? — выдыхает он. — Без денег, без жилья? Куда ты пойдёшь?

— Это не твоя забота, — отвечаю, хотя сама не знаю ответа. — Мои пигменты и кисти я заберу сегодня. За остальным пришлю грузчиков завтра. Не хочу ночевать рядом с тобой.

Я разворачиваюсь и иду к лестнице. В нашу спальню, где прошло столько ночей. Где ждала его после неудач, плакала в подушку, молилась, чтобы всё наладилось... Где он стонал, бормоча во сне чужое имя.

— Арина, стой! — кричит он мне в спину. — Ты не понимаешь! Я не хочу, чтоб ты уходила. Не хочу скандала! Я хочу, чтобы всё у нас было мирно!

Я останавливаюсь на первой ступеньке. Оборачиваюсь.

— Мирно?.. — переспрашиваю с горькой усмешкой. — Ты собрался привести в наш дом любовницу. Ждёшь от неё ребёнка. Предлагаешь мне жить с вами под одной крышей. Угрожаешь оставить меня без всего — и называешь это мирно?

— Я... я просто...

— Ты просто трус, Марк, — говорю я устало. — Трусливый, эгоистичный, жалкий. Не мог сказать мне правду сам, подослал её. Думал, я испугаюсь, соглашусь на любые условия. Ошибаешься. Я не сдамся!

Поднимаюсь на второй этаж. Слышу, как он что-то кричит внизу, но не разбираю слов. Вхожу в гардеробную, достаю чемодан. Самый большой. Кидаю туда вещи — первое попавшееся под руку. Фотографии, документы, кисти, немного одежды. Бабкины часы я сниму со стены в гостиной позже. Они слишком тяжёлые.

Через полчаса я спускаюсь с чемоданом. Марк сидит в кресле, сжимает голову руками.

— Арина, не уходи, — шепчет он. — Пожалуйста... Я не этого хотел!

— А чего ты хотел? — спрашиваю, стоя в дверях. — Чтобы я тихо сидела в углу и не мешала тебе жить? Чтобы благословила вас? Чтобы нянчилась с вашим ребёнком?

— Я не знаю, — он поднимает на меня глаза. В них слёзы. Впервые за много лет. — Я запутался.

Усмехаюсь:

— Запутался? Ты взрослый мужчина, Марк! Ты сделал свой выбор. Живи с ним. А я буду жить со своим.

Я открываю дверь. На пороге оборачиваюсь.

— Суд тебе обеспечен. Предупреди адвокатов. Посмотрим, чья возьмёт. Я двадцать пять лет вкладывала в тебя свою душу, своё здоровье, свою молодость. Работала, поддерживала тебя. Я была с тобой, когда ты прогорал и начинал сначала. И я докажу, что имею право на половину всего. А если не получится — значит, начну с нуля. Я не боюсь.

— Арина... — шепчет он.

— Прощай, Марк!

Дверь захлопывается. Стою на крыльце с тяжёлым чемоданом в руках и чувствую, как лёд внутри начинает таять. По щекам текут слёзы. Но это хорошие слёзы. Слёзы освобождения.

Вызываю такси. Выхожу за ворота. Ночь, моросит дождь. Кидаю чемодан в багажник, сажусь на заднее сиденье.

— Куда едем? — спрашивает водитель.

Называю адрес подруги Лены, которая всегда говорила, что я достойна большего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.